

Завельская Д. А. «Фаустовская тема» в славянских литературных памятниках : проблематика мотивов / Д. А. Завельская, Д. М. Новожилов // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 226—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-226-246.

Zavelskaya, D. A., Novozhilov, D. M. (2021). "Faustian Theme" in Slavic Literary Monuments: Problematics of Motives. *Nauchnyi dialog*, 10: 226-246. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-226-246. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-226-246

«Фаустовская тема» в славянских литературных памятниках: проблематика мотивов

Завельская Дарья Александровна
orcid.org/0000-0002-1783-7080
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общей и славянской филологии
Института славянской культуры
daralzav@gmail.com

Новожилов Дмитрий Михайлович
orcid.org/0000-0002-5578-1161
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общей и славянской филологии
Института славянской культуры
grimuar@inbox.ru

Российский государственный
университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
(Москва, Россия)

“Faustian Theme” in Slavic Literary Monuments: Problematics of Motives

Daria A. Zavelskaya
orcid.org/0000-0002-1783-7080
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of General and Slavic
Philology
of Slavic Culture Institute
daralzav@gmail.com

Dmitry M. Novozhilov
orcid.org/0000-0002-5578-1161
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of General and Slavic
Philology
of Slavic Culture Institute
grimuar@inbox.ru

The Kosygin State University of Russia
(Moscow, Russia)

© Завельская Д. А., Новожилов Д. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос концептуального соотношения славянских сюжетов о Савве Грудцыне и пане Твардовском с понятиями «фаустовская тема», «фаустовская легенда» и «фаустовский сюжет». Поднимается вопрос о правомерности отнесения славянских вариантов мотива договора с бесом к общей группе подобных мотивов по аналогии с «фаустовским». Выполнен обзор отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной отличию и сходству славянских сюжетов с легендой о Фаусте, а также общим источникам и типологическим характеристикам особенностей «фаустовской темы». Представлены результаты сопоставительного анализа текстов о Фаусте, Савве Грудцыне и пане Твардовском. Особое внимание уделяется сопоставлению анонимного произведения о Савве Грудцыне с романом норвежского писателя М. К. Хансена. Новизна исследования видится в том, что для решения данной проблемы предложена системная литературоведческая методология в ключе исторической поэтики, на основе разграничения анализа сюжетов, мотивов, системы персонажей и смысловых акцентов произведений. Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот малоизученных текстов литературы и фольклора, объединенных сюжетом договора с бесом. Приводятся определения специфических мотивов, позволяющих разграничить литературные памятники по принципу сюжетной модели и системе персонажей. Представлена авторская разработка в отношении источников указанного сюжетного типа.

Ключевые слова:

Фауст; пан Твардовский; Савва Грудцын; компаративистика; сюжет; источник; мотив; историческая поэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of conceptual correlation of Slavic stories about Savva Grudtsyn and Pan Tvardovsky with the concepts of “Faustian theme”, “Faustian legend” and “Faustian story” is considered. The question is raised about the legitimacy of referring the Slavic variants of the motive of the contract with the devil to the general group of similar motives by analogy with the “Faustian” one. A review of domestic and foreign scientific literature devoted to the difference and similarity of Slavic plots with the legend of Faust, as well as common sources and typological characteristics of the features of the “Faustian theme” is carried out. The results of a comparative analysis of texts about Faust, Savva Grudtsyn and Pan Tvardovsky are presented. Special attention is paid to the comparison of the anonymous work about Savva Grudtsyn with the novel by the Norwegian writer M. K. Hansen. The novelty of the research is seen in the fact that for solve this problem a systematic literary methodology is proposed in the key of historical poetics, based on the differentiation of the analysis of plots, motives, the system of characters and semantic accents of works. The relevance of the study is due to the introduction into scientific circulation of previously poorly studied texts of literature and folklore, in which the plot of a contract with a demon is seen. The definitions of specific motives are given, which make it possible to differentiate literary monuments according to the principle of a plot model and a system of characters. The author’s development in relation to the sources of the specified plot type is presented.

Key words:

Faust; Pan Tvardovsky; Savva Grudtsyn; comparative studies; plot; a source; motive; historical poetics.

«Фаустовская тема» в славянских литературных памятниках: проблематика мотивов

© Завельская Д. А., Новожилов Д. М., 2021

1. Введение, обзор проблематики

Тема Фауста, безусловно, является одной из вечных тем мировой литературы, а сам мотив договора человека с темными силами представлен в самых разных произведениях как европейской, так и русской литературы. Однако определить, какие произведения могут быть отнесены к фаустовской теме, а какие — нет, совсем не так легко, как представляется на первый взгляд. Безусловно, у многих исследователей возникает вполне понятный соблазн усматривать во всех историях, где ведется речь о договоре человека с сатаной, «фаустовские мотивы». И действительно, если мы проследим генезис легенды о Фаусте, которая была весьма подробно изучена уже в XIX и в XX веках (см., например: [Conrad et al., 1980; Düntzer, 1846; Engel, 1885; Henning, 1963; KÜchler, 1893; Neubert, 1932; Peter, 1849 и пр.]) (мы не стремимся привести здесь сколько-нибудь полную библиографию исследований легенды о Фаусте, так как это составило бы сотни наименований, но указываем лишь некоторые из многочисленных работ на эту тему, написанных в 19—20 веках), то увидим, что легенда о Фаусте унаследовала черты множества сказаний о договоре человека с темными силами, бытовавших начиная с первых веков существования христианства как минимум [Жирмунский, 1978, с. 257].

Тем не менее, рассматривая эту легенду в её историческом развитии, мы можем видеть, что так называемые источники этой легенды, относящиеся к поздней античности, а также к временам средневековья, могут быть соотнесены с ней лишь условно, см., например: [Новожилов, 2020, с. 275]. Разумеется, в них наличествует мотив договора человека с сатаной, реже встречаются и некоторые отдельные сюжетные совпадения этих сказаний, но в целом легенда о Фаусте заметно отличается от позднеантичных и раннесредневековых легенд о договоре человека с тёмными силами, так как историко-культурный контекст и дух Нового времени, когда она и была создана, существенно разнится с культурным контекстом предыдущих исторических периодов.

Впрочем, по данному вопросу также не существует единого мнения, поскольку исследователи в своих воззрениях на фигуру самого Фауста часто не совпадают. Приведем лишь несколько характерных примеров из

истории исследований легенды о Фаусте. Так, для И. Шаховского Фауст был «лишь последним и самым ярким выразителем общей идеи о магах» [Шаховской, 1880, с. 396]. То есть для него легенда о Фаусте — по сути одна из характерных средневековых легенд. Для Ганса Хеннинга, одного из крупнейших немецких специалистов XX века по легенде о Фаусте, этот персонаж, наоборот, — типичный представитель Нового времени, во многом порожденный именно формирующимся капиталистическим, буржуазным обществом, так что он скорее противостоит средневековой культуре, чем примыкает к ней [Henning, 1963, с. 11] (здесь и далее перевод наш. — Д. Н.). Мы приводим эти мнения как пример наиболее популярных точек зрения, присутствующих в научной литературе. Полноценный библиографический обзор на тему «Восприятие образа Фауста в научных исследованиях» требует отдельной и достаточно обширной статьи и в данном случае не входит в задачи авторов.

Но и сам спор о том, является ли «фаустовская тема» порождением конкретного исторического периода или же это вечный сюжет, который мы можем встретить в литературе по крайней мере с начала существования христианства [Жирмунский, 1978, с. 257], а возможно, и авраамических религий вообще, не исчерпывает возможных проблем в определении данной темы, поскольку, помимо исторического, существует ещё и национальный фактор, по поводу которого тоже нет единой точки зрения. Например, один из первых отечественных исследователей легенды о Фаусте А. И. Белецкий полагал, что «Фауст, как и Гамлет, мог быть рожден только германской нацией. Ни в одном из гуманистов романского толка не найдем мы его подобия» [Белецкий, 1911, с. 75]. По мнению ученого, «типы Парацельса, Лютера, Гуттена, Агриппы Неттесгеймского нашли себе символический образ в Фаусте, смелом исследователе, забывшем о спасении души» [Там же, с. 76].

Впрочем, задолго до Белецкого о Фаусте как выразителе именно немецкого духа и порождении немецкой культуры говорили Лессинг и поэты «Бури и натиска», а в начале XX века Освальд Шпенглер увидел в образе Фауста представителя общеевропейской культуры как таковой, назвав сам европейский тип культуры «фаустовским»: «Душу античной культуры, которая избрала в качестве идеального типа протяженности чувственно-наличное отдельное тело, я буду называть аполлоновской. Со времени Ницше это наименование понятно каждому. Ей я противопоставляю фаустовскую душу, изначальным символом которой является чистое безграничное пространство, а “телом” — западноевропейская культура, расцветшая в X столетии вместе с рождением романского стиля на северных равнинах между Эльбой и Тахо». [Шпенглер, 57].

2. Типология мотивов и проблема источников

С другой стороны, как уже упоминалось выше, существует тенденция относить к художественным реализациям «фаустовского мотива» любые произведения, в которых присутствует мотив договора с сатаной (например, Цан, Радармахер). Часто можно услышать о «католическом Фаусте» применительно к пьесе Кальдерона «Маг-Чудотворец» и пьесам других испанских драматургов XVII века [Багно, 1985, с. 365] или про «славянских Фаустов» применительно к польской легенде о пане Твардовском или русских повестях «О Горе-злочастии» и «О Савве Грудцыне». Достаточно характерным представителем этой точки зрения являлся В. В. Кожин: «Художественная концепция повести о Фаусте (речь идет, конечно, о народной книге XVI века, а не о гениальном и уже совершенно ином воплощении этой фабулы в творении Гёте) наиболее полно и остро выражает ту стадию и то качество художественного сознания, которые выразились и в повестях о Савве и Горе-Злочастии. Дело не в буквальном сближении этих произведений как таковых, но именно в общности взгляда на нового героя, являющегося об руку с бесом. Правда, Фауст сам вступает в сделку с дьяволом, добрый молодец нашей поэмы «покорился Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли», а Савва даже долго не догадывается, что имеет дело с чертом, — и эти моменты характеризуют героев по-разному. Но главное не меняется, и в повести о Савве Грудцыне мы находим прямые совпадения с книгой о Фаусте, хотя о непосредственном влиянии здесь могут говорить лишь наиболее отважные компаративисты, сами, пожалуй, имеющие сверхъестественного спутника» [Кожин, 1963, с. 202].

Хотя В. В. Кожин в данном случае и отрицает прямое влияние легенды о Фаусте на русские повести, он видит в них много общего на основании того, что и легенда о Фаусте, и эти повести — порождение культуры Нового времени. Культурологически подобный подход может представляться оправданным (выше уже цитировалось мнение одного из крупнейших немецких специалистов XX века по истории фаустовской легенды, Ганса Хеннинга, о том, что эта легенда — именно порождение культуры Нового времени), и все же теория, основывающаяся на том, что «Повесть о Горе-злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» выражают именно европейский культурный менталитет Нового времени, на наш взгляд, выглядит сомнительной.

Однако дело даже не в оценке типа культуры. Говоря о возможности отнесения тех или иных произведений к «фаустовской теме», мы никак не можем игнорировать важнейший вопрос, а именно вопрос литературоведческой методологии. Его можно сформулировать следующим образом: какой конкретный критерий положен в основу данной классификации, что

именно позволяет называть какое-то произведение относящимся «фаустовской теме», а какое-то — нет?

Одно лишь наличие мотива договора с сатаной, на наш взгляд, таким критерием быть не может, ибо ему соответствует огромное количество произведений, в которых, при ближайшем рассмотрении, оказывается не так уж и много типологически общего, как мы и покажем это на примере легенды о Фаусте и её славянских воплощений.

Представляется необходимым конкретизировать эти критерии, так как, помимо основополагающего критерия самого наличия договора с сатаной, в фаустовской теме присутствуют и другие значимые мотивы. Например, чрезвычайно важным, на наш взгляд, является и мотив занятия героя магическими науками.

Обратившись к немецкой народной легенде, мы увидим, что доктор Фауст сначала много занимается магией и именно эти занятия, в конце концов, и позволяют ему вызвать злого духа из преисподней, чтобы заставить этого духа себе служить. Именно это увлечение магическими науками и является одним из признаков того, что легенда возникла в эпоху раннего Нового времени, а точнее — в эпоху Возрождения с её увлечением неоплатонизмом. Как отмечают Б. Глогер и В. Цёлнер «неоплатонизм, пришедший из Флоренции, населил мир магическими и демоническими силами <...> человек мог эти природные силы открыть и использовать» [Gloger et al., 1983, с. 192].

Но в большинстве средневековых европейских повестей и уж тем более в русских этот крайне важный мотив отсутствует, см., например: [Weber, 1966]. Безусловно, в ряде легенд он есть, как, например, в легендах о римских папах-чернокнижниках (заметим, что именно во времена Реформации они становятся особенно популярны); легендах о знаменитых средневековых ученых, таких как Роджер Бэкон, Агриппа Неттесгеймский, Альберт Великий, Парацельс и т. п. Но там этот мотив напрямую связан с самой научной деятельностью героя, которая нередко также рассматривается сама по себе, как один из признаков греховных устремлений. Впрочем, этот мотив встречается и в легендах другого рода, которые не повествуют об ученых, например, в той же легенде о Теофиле.

Впрочем, заметим, что в последней магом является не сам герой, а другое действующее лицо, которое в данном случае выступает в роли волшебного помощника, характерного для фольклорной традиции волшебных сказок, так что легенда о Теофиле может быть отнесена к художественным воплощениям «фаустовского мотива» тоже весьма и весьма условно, ибо, на наш взгляд, здесь отсутствует ещё один крайне важный для характе-

ристики этого сюжета элемент — мотив занятия главного героя науками, причём не только магическими, но и науками вообще.

Но именно он является значимым для характеристики доктора Фауста, который в европейской культуре прежде всего представляет собой олицетворение страсти к познанию. Даже в немецкой народной легенде, где Фауст прежде всего сластолюбец, который использует услуги злого духа для удовлетворения низменных потребностей, таких как похоть, тщеславие и так далее, в договоре значится следующее: «После того, как я положил себе исследовать первопричины всех вещей» [Народная книга ..., 1978, с. 43]. То есть в данном случае, пусть даже и этот мотив в немецкой народной легенде не очень ярко раскрыт, тем не менее сама страсть к познанию показана как причина грехопадения Фауста и его обращения к темным силам.

Если говорить о так называемых «славянских Фаустах», то ближе всего к фаустовской легенде стоит легенда о пане Твардовском, подробно о ней см.: [Kraszewski, 1987]. Как раз в этой легенде, помимо самого договора с дьяволом, присутствует и значимый мотив занятия магией. Пан Твардовский, как и Фауст, сам отчасти является магом. Более того, в некоторых моментах сюжетные линии обеих легенд очень близки. Так, например, и Фауст, и пан Твардовский обладали умением вызывать на потеху знатым людям тени давно умерших людей. Также любопытным обстоятельством является то, что родным городом пана Твардовского назван Краков. С этим городом может быть связан и исторический Фауст, так как, по одной из версий, он обучался именно в Краковском университете; к тому же там, по некоторым сведениям, изучали магию. Таким образом, легенда о пане Твардовском в самом деле близка к легенде о Фаусте, хотя сама степень и причина этой близости требуют более внимательного рассмотрения.

А вот в русских памятниках, таких как упоминаемые Кожинным «Повесть о Горе-злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» [Кожин, 1963, с. 196], мотив научных занятий, равно как и мотив занятия магией, полностью отсутствует, поэтому они могут быть причислены к «фаустовским» легендам только на основе общего критерия договора человека с сатаной, что, как мы показали выше, явно недостаточно.

Помимо историко-культурного и национального, в происхождении легенды о Фаусте важную роль играет конфессиональный фактор. По мнению многих исследователей, легенда о Фаусте — прежде всего порождение немецких протестантских кругов XVI века (о связях фигур Фауста и Лютера см. [Schmidt, 1896; Новожилов, 2020]), кроме того, протестантский характер легенды подчеркивал М. С. Корелин [Корелин, 1882, с. 732]. Так

что, если обратить внимание на важность конфессионального мотива, то даже образы «католических Фаустов» оказываются связаны с «фаустовской легендой» не так уж тесно, не говоря уже о православном Савве Грудцыне, весьма далеком как от протестантизма, так и от католичества. В данном случае мы можем говорить лишь о мотиве договора с сатаной, который присутствует во всех авраамических религиях, но этого недостаточно, так как иногда именно конфессиональные особенности могут являться определяющими.

В сюжете значим также любовный мотив. Именно он является движущим в одном из первых сказаний, которые относят к ранним источникам легенды о Фаусте, а именно — легенде о Киприане и Юстине (см. [Rademacher, 1927; Zahn, 1882]); ярко выражен этот момент и в ряде средневековых легенд, где договор с сатаной нужен, чтобы добиться расположения женщины или — чаще — получить доступ к обладанию любимыми женщинами вообще. И в «Повести о Савве Грудцыне» именно любовный мотив становится завязкой сюжета о договоре с бесом. В «фаустовском» же сюжете любовный мотив представлен очень слабо. Правда, в народной легенде неоднократно подчеркивается, что благодаря услугам адского духа Фауст пользовался благосклонностью самых разных женщин, а потом стал сожительствовать с вызванной из небытия тенью самой Елены прекрасной (Елены Троянской), но это укладывается в его характеристику как ужасного и закоренелого грешника, который склонен к беспорядочным связям с женщинами, что для христианина любой конфессиональной принадлежности недопустимо. Но вот мотив его обращения к тёмным силам из-за любви здесь отсутствует.

Таким образом, мы видим ряд заметных отличий вышеназванных легенд от легенды о Фаусте. Резюмируем: Фауст одержим страстью к познанию, он учёный, имеет степень доктора наук; помимо официально признанных наук, он питает интерес к наукам не совсем законным, пытается овладеть магическими тайнами, в результате чего и вызывает злого духа, чтобы заставить его себе служить. После чего заключается договор, и дух начинает исполнять его желания. Во всех вышеназванных легендах общего с легендой Фаусте только сам мотив договора и то, что злой дух исполняет желания героя. Однако остальные значимые признаки отсутствуют. Таким образом, в основном сходство между всеми этими сказаниями основывается на их общем для христианства, или даже характерном для всех авраамических религий, мотиве договора человека с темными силами.

Однако в этом случае мы должны практически всю литературу, так или иначе связанную с христианским культурным кодом, выделять в некое единое целое и говорить о наличии одних и тех же сюжетных линий и мотивов.

вов. Разумеется, этот подход имеет под собой определенное основание, но, применительно к нашей теме, основанная на подобном признаке группа произведений представляется слишком широкой, с размытыми границами. Говоря же о близости легенды о Фаусте и вышеназванных сказаний, прежде всего «Повести о Савве Грудцыне», мы должны сделать вывод, что частности и отличия сюжетных моделей значительно важнее, нежели общий мотив договора с темными силами, что не позволяет говорить о наличии единого «фаустовского» мотива в этих сюжетах.

3. Полемика об источниках русской повести

Однако «Повесть» вполне обоснованно, именно с учетом этих частностей, следует рассматривать в сопоставлении с наиболее близкими вариантами воплощения указанного сюжета. Тем интереснее и глубже могут стать предположения о ее источниках и связях с широким контекстом европейских литератур.

Наиболее известны в отношении интерпретации «Повести о Савве Грудцыне» работы советского исследователя М. О. Скрипиля. Первая была опубликована в 1935 году в научном издании «Труды Отдела древнерусской литературы». Акцентируя на первых же страницах такое понятие, как классовая борьба [Скрипиль, 1935, с. 183], что вполне понятно в контексте эпохи, исследователь вводил произведение в ряд памятников, демонстрирующих общественные процессы, в определенной степени противопоставляя подобный подход предыдущим работам, сосредоточенным на установлении источников сюжета (А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, А. С. Мадуев, В. Сиповский, В. А. Розов, А. Н. Веселовский).

При этом и он подчеркивал невозможность безоговорочного решения данного вопроса по той же причине, которую отметил еще В. Розов — множественность элементов, соответствующих самым различным произведениям [Скрипиль, 1935, с. 189; Розов, 1905, с. 2].

В следующей своей работе, посвященной повести, Скрипиль продолжает рассматривать ее самостоятельность, настаивая на значительной идейной трансформации сравнительно с предполагаемыми источниками. Исследователь вновь рассматривает повесть преимущественно в аспекте культурно-социальных сдвигов, обнаруживая «настроения времени, когда для московского общества наступила пора критического пересмотра того, чем оно до сих пор жило, когда определялись отношения к старым устоям жизни» [Скрипиль, 1948, с. 222]. Ценно в контексте данного исследования, прежде всего, уяснение сложной жанровой природы литературного памятника, основанного на сюжетах, представленных как ранее, так и параллельно ему: «И тема и стиль “Повести о Савве Грудцыне” далеко

уводят ее от того жанра, с которым она связана генетически. Если когда-то академик А. Н. Веселовский в своем беглом обзоре истории русской повести (в «Истории русской словесности» А. Галахова) сказал о «Савве Грудцыне», что «в сущности, это чудо Казанской богородицы», то всестороннее изучение этой Повести заставляет нас в настоящее время видеть в ней одно из крупнейших произведений древнерусской беллетристики, начатки русского романа» [Скрипиль, 1948, с. 227]. При этом он интерпретирует отдельные эпизоды литературного памятника: стремление Саввы уйти из отчего дома, связь с замужней женщиной — преимущественно в ключе все тех же «социальных сдвигов», которые должны проявить себя в литературе [Скрипиль, 1948, с. 223].

Тем не менее и у Скрипиля, и в большинстве работ (Костомаров, Веселовский, Розов, Тихонравов и др.) утверждается генетическая сюжетная связь истории Саввы с легендой о Феофиле экономе и «Чудом святого Василия Кесарийского архиепископа о прельщенном отроце», «Словом о Месите Чародее», «Сказанием о Протерии» и др. [Скрипиль 1935, с. 184—188; Скрипиль 1948, с. 225].

Но наряду с византийскими источниками в древнерусской литературе обнаруживаются и другие произведения, посвященные сделке человека с темными силами. Сопоставлению их текстов и уяснению некоторых тенденций бытования данной сюжетной модели посвящена монография О. Д. Журавель «Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе» (1996). Рассматривая «Повесть о Савве Грудцыне» в этом контексте, автор демонстрирует многообразие мотивов и образов, перекликающихся с данным памятником.

При сопоставлении их сюжетных моделей можно обнаружить существенное своеобразие истории Саввы, хотя сам текст исследователь вслед за предшественниками характеризует как «мозаику заимствований» [Журавель, 1996, с. 156]. Это, однако, и О. Д. Журавель расценивает как свидетельство знакомства автора с целым корпусом родственных в сюжетном отношении византийских, древнерусских и, возможно, европейских текстов, уточняя, что «не получил объяснения пока сам факт возникновения различных версий сюжета» [Журавель, 1996, с. 15]. Но стоит обратить внимание на несколько важных элементов, которые отличают «Савву».

Прежде всего, это своеобразие упомянутой выше любовной линии как мотива договора. В произведениях, рассмотренных как возможный источник, речь идет о женитьбе при помощи бесовского вмешательства. Савва же состоит в «блудодейной связи» с чужой супругой, более того — супругой своего покровителя с несколько странным для купца именем Бажен Второй. И сама эта связь начинается до встречи с посланником темных

сил. Неверная супруга соблазняет героя при помощи зелья, затем между любовниками возникает конфликт. И лишь после него юноша, изгнанный из дома Бажена Второго, в тоске и отчаянии призывает темные силы.

Бес, представший в человеческом обличье, заключает с Саввой договор, способствуя продолжению любовной связи. Далее бес помогает Савве в ратном деле. Практически ни в одном из указанных источников, включая сборник польского происхождения «Великое Зерцало», нет подобной сюжетной модели. И это могло бы указывать именно на «мозаичность» Саввы, на объединение автором повести мотивов из разных источников. Однако подобная модель просматривается в произведении гораздо более позднего периода — романе норвежского писателя М. К. Хансена («Othar av Bretagne», 1819).

4. Савва Грудцын и Отар из Бретани

Сюжет непосредственного договора с дьяволом в этом произведении трансформирован в традициях романтической литературы и представлен развернутой историей искушения героя зловещим колдуном Варлуном, который, не будучи демоном в буквальном смысле, по всем признакам, служит адским силам [Пешкова, 2015, с. 61—62] и увлекает к гибели души, недостаточно стойкие перед грехом. Роман не переведен на русский язык, однако сюжетная структура просматривается даже в кратком пересказе специалиста по норвежской литературе [Пешкова, 2015, с. 61—63]. Стоит обратить особое внимание на то, что М. К. Хансен был современником Гете, однако практически никакого влияния даже этой переработки «фаустовского сюжета», обозначенного ранее, в сказочном романе о рыцаре Отаре мы не обнаружим, тогда как совпадений с историей Саввы Грудцына очень много.

Конечно, подобные совпадения могут быть случайными, но не стоит отказываться от иной гипотезы — некоего источника, объединяющего «Савву» и «Отара».

Любопытно, что и Веселовский, и Розов рассматривали сюжетные мотивы повести о Савве не только в контексте сходства с византийскими и древнерусскими памятниками о договоре с дьяволом. Упоминают они «голландские духовные стихи» и «народную песню о св. Гертруде» [Веселовский, 1880, с. 491; Розов, 1905, с. 4]. И если голландские тексты остаются непроясненными, то сюжет о св. Гертруде кратко изложен Веселовским.

В его пересказе, впрочем, любовная линия ближе к «Чуду о прельщенном отроке», но не к «Савве». Рыцарь воспылал любовью к девушке, обещанной Богу, и после отказа решил заключить договор с дьяволом. Как

и в «Чуде о прельщенном отроке», и в «Легенде о Каруле», предмет любви недоступен, при этом можно предположить, что изначальный грех заключался именно в противлении святому обету. И эта же святость помешала нечистому исполнить договор. Среди сюжетов, которые были рассмотрены специалистами как параллель к «Савве», именно в варианте истории о св. Гертруде любовная связь так и не осуществляется [Веселовский, 1880, с. 491].

Казалось бы, данный пример стоит отбросить, однако торопиться не стоит, поскольку и с «Саввой», и с норвежским романом его объединяют два важных элемента: воинский статус героя и попечение праведницы о его душе. В романе таких праведниц двое: и прекрасная Ида — истинная любовь Отара, и его родная сестра [Пешкова, 2015, с. 63]. Сам мотив праведной молитвы, исходящей именно от женщины, присутствует в большинстве обсуждаемых источников, при этом лишь в сюжете о Савве героиня не связана с ним супружескими или любовными отношениями — это благочестивая жена сотника.

И все же само присутствие женского образа в тесной связи с историей спасения грешника необходимо учитывать как повторяющийся элемент сюжетной модели. Практически каждый вариант, упоминаемый в группе источников, сопоставляемых с «Повестью о Савве Грудцыне», отмечен спасительной ролью святого или Богородицы, то есть христианским чудом. Мы можем уверенно предположить, что в варианте сюжета о св. Гертруде происходит «стяжение» структуры: героиня молится как праведница и сама же спасает грешника как святая.

В романе о рыцаре Отаре не присутствуют непосредственно ни святой заступник, ни Дьявол. И это закономерно для жанра: светская литература в эпоху романтизма уже существенно дистанцирована от модели церковных произведений, хотя само противостояние Бога и Дьявола в их борьбе за душу человека отчетливо наблюдается, но в опосредованном контексте; и «Фауст» Гете не только с фигурой Мефистофеля, но и с «Прологом на небесах» — заметное исключение.

Интерпретируя в этом контексте близость произведений об Отаре и Савве, следует признать в злом чародее Варлуне не признак отличия, но закономерный жанровый эквивалент беса в авторской романтической литературе. При этом нельзя упускать присутствие в романе брата главного героя, Уллера, странного и амбивалентного во многих отношениях персонажа. Именно он становится «проводником» героя во владения Варлуна. Бес, искушающий Савву, называет себя его «братом», а потом помогает в ратном деле. В романе Хансена присутствует оруженосец рыцаря Герман — также

искуситель на службе у чародея [Пешкова, 2015, с. 62], способствующий при этом воинской карьере господина.

Но, пожалуй, главное, что сближает норвежский роман с «Повестью о Савве Грудцыне» — мотив связи героя с замужней женщиной, супругой императора, ко двору которого прибывает Отар. Очевидно, что подобный элемент не встречается более ни в одном из упоминаемых источников повести.

Таким образом, мы можем выделить следующие элементы, которые в совокупности представлены только в русской повести и норвежском романе:

- (1) представитель темных сил — брат / названный брат героя;
- (2) представитель темных сил помогает герою в ратном деле;
- (3) герой обретает славу на воинском поприще;
- (4) герой состоит в любовных отношениях с женой своего покровителя;
- (5) герой страдает от невозможности расторгнуть договор с нечистой силой, искренне кается;
- (6) о спасении души героя радуется праведница.

Можно ли сделать какой-либо вывод на основе данных совпадений? Окончательный — нет. Не исключено, что обнаруженная параллель демонстрирует некоторую архетипическую основу, общечеловеческие интенции в контексте религиозного мировосприятия, см.: [Журавель, 1996, с. 6]. Однако есть достаточно веские основания для того, чтобы предположить некий общий источник. Возможно — европейский источник, поскольку византийские тексты с родственным сюжетом в основном своем массиве известны, и подобной совокупности элементов в них не обнаружено. Так что мы можем уверенно говорить о данной совокупности элементов как о специфическом варианте сюжетной модели.

Наличие особого сюжетного источника у романа косвенно подтверждается как самим контекстом эпохи романтизма, повышенным интересом к фольклору, так и очевидными примерами национальных фольклорных мотивов у Хансена [Пешкова, 2016, с. 55]. Впрочем, в данном случае речь идет преимущественно о национальных норвежских мотивах, тогда как «Отар из Бретани» выглядит некой фантазией на средневековую тему без национальной конкретики. Однако это ни в малейшей степени не исключает фольклорные источники. Не стоит упускать из виду также убедительно продемонстрированные параллели, а порой и текстуальные совпадения «Саввы» с польским сборником «Великое зеркало», подразумевающие знакомство автора повести с польским оригиналом [Журавель, 1996, с. 191—193].

Впрочем, стоит вернуться к одной из уже упомянутых ранее статей о Савве Грудцыне и подробнее рассмотреть высказанную в ней гипотезу о родстве повести с целым компендиумом, включающим отдельные сюжеты [Розов, 1905, с. 1—6], — третьим разделом труда Агапия Критского «Грешных спасение» (1641). Сам этот раздел представляет собой собрание коротких притч о чудесах Богородицы, и Розов убедительно показывает соответствия разных сюжетных элементов повести разным притчам, вполне логично предполагая, что безымянный русский автор — один из братьев Чудова монастыря, где было переведено «Грешных спасение» [Розов, 1905, с. 6—7], что довольно категорично отрицал М. Скрипиль еще в первой своей статье, указывая в своей полемике с Розовым на идейные и стилистические различия памятников [Скрипиль, 1935, с. 117—119].

Розов, впрочем, справедливо утверждает, что указанные им элементы повести более нигде не встречаются «собранными в одном фокусе» [Розов, 1905, с. 1], и в контексте мотивного сопоставления это куда более значимый фактор, нежели естественные, продиктованные культурным контекстом наслоения стиля анонимного автора русской повести. При этом любовную линию Розов считает в принципе специфичной лишь для истории Саввы, что лишний раз подтверждает высказанную ранее гипотезу оригинальности данной сюжетной модели. Впрочем, Розов не рассматривает как специфику повести воинскую службу героя, хотя в 55 «Чуде о солдате-разбойнике» мы обнаруживаем и этот элемент. То есть, за исключением греховной любви, совпадений еще больше. Но в том же 55 чуде мы видим элемент, безусловно объединяющий «Грешных спасение» не только с повестью, но и с норвежским романом: бес-слуга, притворяющийся человеком. В романе такому персонажу соответствует демонический оруженосец Герман, который в определенные моменты обнаруживает зловещие потусторонние свойства [Пешкова, 2015, с. 62], но стилистически это оформлено, разумеется, иначе — соответственно романтическому художественному принципу.

Однако самое интересное — совпадение одного из сюжетов Агапия Критского с романом Хансена, но не с повестью о Савве. Это чудо 39 «О чаде, преданном матерью при зачатии бесу». Одна из мистических тайн романа — договор не самого Отара, но его отца с силами тьмы именно в обмен на собственных детей. При этом автор статьи о романе мотивирует сюжетный элемент фольклорной основой: «Обе сделки, заключенные в романе, имеют фольклорную основу: сначала отец Отара, находясь в путешествии, обещает отдать незнакомцу половину того, чего у него еще нет» [Пешкова, 2015, с. 62]. Мотив, безусловно, весьма распространен в фольклоре. Но и героиня 39 чуда обрекает бесу еще даже не зачатого ребенка.

В обоих случаях родители «не ведают, что творят», а заложниками неосторожных слов становятся невинные дети, отданные во власть темной силы.

Может ли быть случайной такая параллель? Несомненно, как и все прочие совпадения. Однако в ключе сопоставления романа с повестью и с учетом гипотезы о возможном общем источнике подобное совпадение стоит принять во внимание, тем более что фольклорные тексты с подобным сюжетом не предполагают святого заступничества, которое присутствует в норвежском романе и в книге Агапия Критского.

Но о чем может свидетельствовать подобное совпадение? Возможно ли знакомство норвежского романтика с творением Агапия? Подобное предположение выглядит весьма сомнительно, хотя первое издание книги «Грешных спасение» состоялось в Европе. Но сами сюжеты Богородичных чудес третьего раздела вряд ли можно считать оригинальными [Скрипиль, 1935, с. 117—119]. О. Д. Журавель также указывает на западное происхождение некоторых сюжетов данного сборника [Журавель, 1996, с. 24].

Разумеется, факт издания книги в Венеции не должен подменять решение вопроса, который может оказаться без ответа и в ближайшем будущем. Одно несомненно: литературные связи формируются зачастую стихийно, и сюжет, и даже элементы текста могут кочевать из жанра в жанр, из книжной литературы в фольклор, из фольклора — в книгу. Один из знаменитейших примеров — «превращение» английского принца Бэва в лубочного Бову Королевича посредством прозаического переложения средневековой поэмы на русский язык. Также весьма ценны исследования, касающиеся проникновения народных верований в церковные книги Нового времени [Журавель, 2017, с. 44].

В данном случае задачей можно считать само обоснование гипотезы: возможности общего источника или цепочки источников. Наиболее достоверным вариантом следует признать знакомство Хансена с фольклорным текстом, в котором сюжет представлен моделью, идентичной «Повести о Савве Грудцыне», то есть совокупностью элементов, указанных для повести, но, возможно, и дополнительными составляющими, включая сюжет о невинном ребенке, обреченном аду.

При этом сам спектр возможных фольклорных жанров довольно широк. Заслуживают внимания упомянутые Веселовским духовные стихи, поскольку этот жанр можно считать «переходным» между сферой церковной книжности и фольклором. Замечательный пример демонстрирует в своей книге этнограф А. А. Коринфский — исполняемые на Васильев день тексты, в которых преломилось упомянутое здесь «Чудо о прелыщенном отроке», при этом: «Евладий превратился, в устах убогих певцов, во “в ладью”, керасия-жена — в “Кесарию”, Люцифер — в “Ницыпора”

и т. д. Существуют разносказы-перепевы этого стиховного сказания и в Могилевской губернии, более законченные» [Коринфский, 1901, с. 112—113].

Важен в данном контексте и такой жанр, как миракль, представляющий по сути «народную» драматургическую обработку книжного чуда; особого внимания заслуживает подобная жанровая трансформация ранее упомянутого «Сказания о Теофиле» [Дживелегов и др., 2013, с. 35—37], и вряд ли такой пример единичен, тем более что среди мираклей выделяют особую группу текстов — *Miracles de Notre Dame*, то есть восходящих именно к Богородичным чудесам [Дживелегов, Бояджиев, 2013, с. 41]. Так что в данном жанре не исключены параллели и с сюжетами Агапия. Но все же принципиальная основа выдвигаемой здесь гипотезы — совокупность мотивов, включающая непременно *любовные отношения с супругой покровителя*. На этом остановимся подробнее, поскольку и в повести, и в романе мы видим очень близкое осмысление таких отношений в жизненном пути главного героя.

Практически все исследователи видели в отношениях Саввы и супруги Божена Второго аллюзию на библейский сюжет об Иосифе Прекрасном и жене Потифара [См. Скрипиль, 1948, с. 225], однако смысловые акценты в повести совсем иные. В Библии Иосиф становится жертвой навета, но преодолевает искушение, Савва впадает в грех прежде навета. История его любовных отношений обладает важным значением в сюжете духовного падения. Если это реминисценция библейского мотива, заимствованного непосредственно из Священного писания, то она серьезно переработана не только в деталях, но и концептуально. Можно лишь согласиться с мнением Скрипиля о приближении повести к романной прозе, и во многом способствует «романизации» именно любовная история Саввы.

Однако примерно теми же особенностям отличается в пересказе романа история отношений Отара с императрицей Ливией [Пешкова, 2015, с. 62]. Эмоциональный акцент греховой связи действительно позволяет сосредоточиться на психологическом состоянии героя, подготавливает его к падению, замедляя действие, углубляя повествование.

Здесь стоит привести важное суждение Е. Мелетинского о соотношении жанров в контексте исторической поэтики: «Волшебное в сказке стоит посредине между пониманием сверхъестественного как естественного (в мифе) и как все же удивительного (как в новелле). “Биографизм” сказки (рассказ о становлении героя) не вполне отвечает идее одного неслыханного события и, как это ни парадоксально, скорее приближает сказку к роману (особенно рыцарскому), чем к новелле, действительно ориентированной на воспроизведение удивительного случая на “пути” героя» [Мелетинский,

1990, с. 6]. В таком контексте притчевый жанр чуда, сопоставленный с повестью и романом, можно считать более «новеллистичным», а в «Повести о Савве Грудцыне» мы действительно видим сочетание элементов различных жанров.

5. Выводы

Таким образом, перед нами высвечивается более отчетливая исследовательская проблема, которой следует задаться при сопоставлении сходных сюжетов, восходящих к группе общих мотивов, иногда относимых к «фаустовской теме». Она состоит в уточнении не только структурных, но и ценностно значимых элементов, формирующих внутренний смысл, экспрессию и эмоциональную динамику повествования, особенно в аспекте жанровой поэтики.

В таком случае дальнейшими принципами литературоведческого исследования общности и различия в воплощении представленного здесь мотива договора с темными силами могут стать систематизированные методологические принципы анализа конкретных текстов по типологии не столько мотивов, сколько жанровых и сюжетных моделей, образной системы и смысловых акцентов — принципы исторической поэтики в комплексном понимании термина.

Представляется необходимым также согласовать эти принципы с более детальным изучением корпуса источников, что позволит, не объединяя указанные здесь памятники славянских литератур с «фаустовской легендой» по некоторому расплывчатому признаку, обнаружить более отчетливые их совпадения с иными западноевропейскими текстами, в том числе относящимися к позднейшим течениям и направлениям. На этой основе уже следует формировать частные гипотезы о вероятных текстовых прототипах и путях трансформации конкретного мотива и образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багно В. Е.* Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и в европейской литературной традиции / В. Е. Багно // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, 1985. — Т. 40. — С. 364—372.
2. *Белецкий А. И.* Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии / А. И. Белецкий // Записки нефилологического общества. — 1911. — Выпуск V. — С. 59—193.
3. *Веселовский А. Н.* § 27 Памятники литературы повествовательной : византийские и южнославянские повести ; повести западного происхождения ; начало русской повести / А. Н. Веселовский // История русской словесности древней и новой / под редакцией А. Д. Галахова. — Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1880. — Т. 1. — С. 394—517.

4. *Дживелегов А. К.* История западноевропейского театра. От возникновения до 1789 года : учебник для театральных вузов / А. К. Дживелегов, Г. Н. Бояджиев. — Москва : ГИТИС, 2013. — 526 с. — ISBN 978-5-91328-084-8.

5. *Жирмунский В. М.* История легенды о Фаусте / В. М. Жирмунский // *Легенда о докторе Фаусте* / под редакцией В. М. Жирмунского. — Москва : Наука, 1978. — С. 257—363.

6. *Журавель О. Д.* Книжная демонология и народные магические верования в Сибири XVII—XVIII вв. / О. Д. Журавель // *Гуманитарные науки в Сибири*. — 2017. — № 3 (24). — С. 39—45. — DOI: 10.15372/HSS20170307.

7. *Журавель О. Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе / О. Д. Журавель. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. — 235 с. — ISBN 5-87550-048-4.

8. *Кожин В. В.* Происхождение романа / В. В. Кожин. — Москва : Советский писатель, 1963. — 440 с.

9. *Корелин М. С.* Западная легенда о Фаусте / М. С. Корелин // *Вестник Европы*. — 1882. — Ч. 11. — С. 263—294 ; — Ч. 12. — С. 699—734.

10. *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский. — Москва : Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. — 720 с.

11. *Мелетинский Е. М.* Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 275 с.

12. *Народная книга* : История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чарошее и чернокнижнике // *Легенда о докторе Фаусте* / подготовил В. М. Жирмунский. — Москва : Наука, 1978. — С. 35—109.

13. *Новожилов Д. М.* О ранних источниках легенды о Фаусте / Д. М. Новожилов // *Слово. Текст. Источник* : Методология современного гуманитарного исследования. Материалы Международной научной конференции. — Москва : ФГБОУ ВО «РГУ имени А. Н. Косыгина», 2020. — С. 265—275.

14. *Новожилов Д. М.* Фауст и Лютер : к вопросу о генезисе образа доктора Фауста / Д. М. Новожилов // *Актуальные проблемы науки* : ИГУМО И ИТ как исследовательский центр. — 2015. — № 18. — С. 91—98.

15. *Пешкова В. В.* Роман «Отар из Бретани» М. Хансена в контексте европейской литературной традиции первой половины XIX века / В. В. Пешкова // *Вестник Костромского государственного университета*. — 2015. — № 2. — С. 61—63.

16. *Пешкова В. В.* Роман М. К. Хансена «Сага о Хильде» в контексте традиции романтизма в XIX веке / В. В. Пешкова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2016. — № 8—1 (62). — С. 54—57.

17. *Розов В. О.* Повесть о Савве Грудцыне / В. О. Розов // *Киевские университетские известия*. — 1905. — № 3. — С. 1—7.

18. *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне / М. О. Скрипиль // *Труды Отдела древнерусской литературы*. — Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1935. — С. 99—152.

19. *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне / М. О. Скрипиль // *История русской литературы* : в 10 тт. Литература 1590-х — 1690-х гг. / под ред. — Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1948. — Т. II. — Ч. 2. — С. 222—227.

20. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Гештальт и действительность [Электронный ресурс] / О. Шпенглер. — Режим доступа : https://mir-knig.com/read_222765-57 (дата обращения 21.04.2021).

21. *Conrad M.* Die Geschichte vom Doktor Faust / M. Conrad, F. Hubs. — München, [b. i.], 1980. — 276 s.
22. *Düntzer H.* Die Sage von Doktor Faust / H. Düntzer. — Stuttgart : Scheible, 1846. — 260 s.
23. *Engel K.* Zusammenstellung der Faust-Schriften von XVI Jahrhundert bis Mitt. 1884 / K. Engel. — Oldenburg : Schulze, 1885. — 764 s.
24. *Gloger B.* Teufelsglaube und Hexenwahn / B. Gloger, W. Zöllner. — Leipzig : Koehler & Amelang, 1983. — 252 s.
25. *Henning H.* Faust in fünf Jahrhundert / H. Henning // Ein Überblick zur Geschichte des Fauststoffes von 16. Jahrhundert zur Gegenwart. — Halle : [b. i.], 1963. — 128 s.
26. *Henning H.* Beiträge zur Druckgeschichte der Faust und Wagner-Bücher des 16. Und 18. Jahrhunderts / H. Henning. — Weimar : Arion Verlag, 1963. — 133 s.
27. *Kraszewski Józef Ignacy:* Mistrz Twardowski. Powieść z podań gminnych. — Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1987. — 255 s.
28. *Küchler K.* Die Faustsage und der Goetische Faust / K. Küchler. — Leipzig : G. Fock, 1893. — 55 s.
29. *Neubert F.* Von Doktor Faust zu Goethes Faust / F. Neuber. — Leipzig : Verlagsbuchhandlung von J. J. Weber, 1932. — 55 s.
30. *Peter F.* Die Literatur der Faustsage bis Ende des Jahres 1848 / F. Peter. — Leipzig : Verlag nicht ermittelbar, 1849. — 24 s.
31. *Radermacher L.* Griechische Quellen zur Faustsage. Der Zauberer Gyprianus. Die Erzählung des Helladius. Theophilus / L. Radermacher // Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 206. — Wien und Leipzig : [b. i.], 1927. — Bd 4. — S. 1—278.
32. *Weber H.-H.* Studien zur deutschen Marienlegenden des Mittelealters am Beispiel des Theophilus / H.-H. Weber. — Hamburg : [b. i.], 1966. — 191 s.
33. *Zahn T.* Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage / T. Zahn. — Erlangen : A. Deichert, 1882. — 170 s.

REFERENCES

- Bagno, V. E. (1985). The contract of man with the devil in the “Tale of Savva Grudtsyn” and in the European literary tradition. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 40. Leningrad: Nauka. 364—372. (In Russ.).
- Beletsky, A. I. (1911). The Legend of Faust in connection with the history of demonology. *Notes of the Neophilological Society*, V: 59—193. (In Russ.).
- Conrad, M., Hubs, F. (1980). *Die Geschichte vom Doktor Faust*. München: [b. i.]. 276 s. (In Germ.).
- Düntzer, H. (1846). *Die Sage von Doktor Faust*. Stuttgart: Scheible. 260 s. (In Germ.).
- Dzhivelegov, A. K., Boyadzhiev, G. N. (2013). *History of the Western European theater. From the origin to 1789: textbook for theatrical universities*. Moscow: GITIS. 526 p. ISBN 978-5-91328-084-8. (In Russ.).
- Engel, K. (1885). *Zusammenstellung der Faust-Schriften von XVI Jahrhundert bis Mitt. 1884*. Oldenburg: Schulze. 764 s. (In Germ.).
- Gloger, B., Zöllner, W. (1983). *Teufelsglaube und Hexenwahn*. Leipzig: Koehler & Amelang. 252 s. (In Germ.).

- Henning, H. (1963). *Beitrage zur Druckeschichte der Faust und Wagner-Bücher des 16. Und 18. Jahrhunderts*. Weimar: Arion Verlag. 133 s. (In Germ.).
- Henning, H. (1963). Faust in fünf Jahrhundert. In: *Ein Überblick zur Geschichte des Fauststoffes von 16. Jahrhundert zur Gegenwart*. Halle: [b. i.]. 128 s. (In Germ.).
- Korelin, M. S. (1882). The Western legend of Faust. *Bulletin of Europe*, 11: 263—294; 12: 699—734. (In Russ.).
- Korinzhsky, A. A. (1901). *Narodnaya Rus. All year round of legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people*. Moscow: Publishing house of the bookseller M. V. Klyukin. 720 p. (In Russ.).
- Kozhinov, V. V. (1963). *The origin of the novel*. Moscow: Soviet Writer. 440 p. (In Russ.).
- Kraszewski Józef Ignacy: *Mistrz Twardowski. Powieść z podań gminnych*. (1987). Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. 255 s. (In Germ.).
- Küchler, K. (1893). *Die Faustsage und der Goetische Faust*. Leipzig: G. Fock. 55 s. (In Germ.).
- Meletinsky, E. M. (1990). *Historical poetics of short stories*. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature. 275 p. (In Russ.).
- Neubert, F. (1932). *Von Doktor Faust zu Goethes Faust*. Leipzig: Verlagsbuchhandlung von J. J. Weber. 55 s. (In Germ.).
- Novozhilov, D. M. (2015). Faust and Luther: on the genesis of the image of Dr. Faust. *Actual problems of science: IGUMO and IT as a research center*, 18: 91—98. (In Russ.).
- Novozhilov, D. M. (2020). On the early sources of the legend of Faust. In: *Word. Text. Source: Methodology of modern humanitarian research. Materials of the International Scientific Conference*. Moscow: Kosygin Russian State University. 265—275. (In Russ.).
- Peshkova, V. V. (2015). The novel “Otar from Brittany” by M. Hansen in the context of the European literary tradition of the first half of the XIX century. *Bulletin of Kostroma State University*, 2: 61—63. (In Russ.).
- Peshkova, V. V. (2016). M. K. Hansen’s novel “The Saga of Hilda” in the context of the tradition of Romanticism in the XIX century. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 8—1 (62): 54—57. (In Russ.).
- Peter, F. (1849). *Die Literatur der Faustsage bis Ende des Jahres 1848*. Leipzig: Verlag nicht ermittelbar. 24 s. (In Germ.).
- Radermacher, L. (1927). Griechische Quellen zur Faustsage. Der Zauberer Gyprianus. Die Erzählung des Helladius. Theophilus. In: *Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte* 206, 4. Wien und Leipzig: [b. i.]. 1—278. (In Germ.).
- Rozov, V. O. (1905). The Tale of Savva Grudtsyn. *Kiev University News*, 3: 1—7. (In Russ.).
- Skripil, M. O. (1935). The Tale of Savva Grudtsyn. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 99—152. (In Russ.).
- Skripil, M. O. (1948). The Tale of Savva Grudtsyn. In: *History of Russian Literature: In 10 II (2). Literature of the 1590s — 1690s*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 222—227. (In Russ.).
- Spengler, O. *The Decline of Europe, I. Gestalt and Reality*. Available at: https://mir-knig.com/read_222765-57 (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- The People’s Book. The story of Dr. Johann Faust, the famous magician and warlock. (1978). In: *The Legend of Doctor Faust*. Moscow: Nauka. 35—109. (In Russ.).

- Veselovsky, A. N. (1880). § 27 Monuments of narrative literature: Byzantine and South Slavic stories; stories of Western origin; the beginning of the Russian story. In: Galakhova, A. D. (ed.). *History of Russian literature ancient and new, 1*. St. Petersburg: Printing House of the Maritime Ministry. 394—517. (In Russ.).
- Weber, H.–H. (1966). *Studien zur deutschen Marienlegenden des Mittelealters am Beispiel des Theophilus*. Hamburg: [b. i.]. 191 s. (In Germ.).
- Zahn, T. (1882). *Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage*. Erlangen: A. Deichert. 170 s. (In Germ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1978). The history of the legend of Faust. In: *The Legend of Dr. Faust*. Moscow: Nauka. 257—363. (In Russ.).
- Zhuravel, O. D. (1996). *The plot of a man's contract with the devil in Ancient Russian literature*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 235 p. ISBN 5-87550-048-4. (In Russ.).
- Zhuravel, O. D. (2017). Book demonology and folk magical beliefs in Siberia of the XVII—XVIII centuries. *Humanities in Siberia*, 3 (24): 39—45. DOI: 10.15372/HSS20170307. (In Russ.).